

Посвящается Ф. и Н.

*Эта книга никогда бы не вышла в свет без поддержки
и терпения Патрика Уолша, Хелен Гэрнонс-Уильямс
и их команды, которых сердечно благодарю.*

Первое, что вам следует знать, я — шлюха.

И сказано это не для красного словца. Я использую это слово не как аналогию корпения в конторе или сизифова труда в современных СМИ. Многие из моих друзей говорят, что перебиваться с одной временной работы на другую или докатиться до сэйлз-менеджера — то же самое, что заниматься проституцией. Вот уж дудки! Я-то это знаю, поскольку и на временных работах была, и трахалась за деньги, и скажу вам: между этими занятиями нет ничего общего. Даже не земля и небо. Совершенно разные солнечные системы.

Первое, что вам следует знать, я — шлюха.

Второе — я живу в Лондоне. Эти два факта, возможно, связаны, возможно, нет. Лондон — недешевый город. Как почти все мои друзья, я перебралась сюда после университета в надежде получить работу. Если и не хорошо оплачиваемое, то по крайней мере интересное место. Или сплошь окруженное красивыми, симпатичными молодыми мужчинами. Но такие должности в мире по пальцам можно перечислить. Сейчас каждый второй, включая моих друзей А2 и А3, которых сильно уважают в академических кругах, учится на бухгалтера. Госпо-

ди ты боже мой, — да это хуже смерти! Бухгалтерия по части асексуальности переплюнет даже научное сообщество.

Проституция — работа стабильная, но нетребовательная. По долгу службы я встречаюсь с множеством людей. Разумеется, почти все они — мужчины, большинство из которых я никогда не увижу снова. Моя обязанность — трахаться с ними вне зависимости от того, покрыты они волосатыми родинками, щеголяют целыми тремя зубами во рту или хотят, чтобы я воссоздала фантазию с участием исторички, которая преподавала у них в шестом классе. Но это лучше, чем без конца поглядывать на часы в офисе, изнывая в ожидании очередного чаепития в убогой комнатенке для персонала. Так что, когда мои друзья вытаскивают на свет потрепанную аналогию между трудом на корпоративной ниве и проституцией, я понимающе киваю и соболезную им, мы пропускаем по коктейлю и предаемся размышлениям о том, куда улетучились все перспективы нашей юности.

Их перспективы, вероятно, выходят на шоссе, ведущее в пригород с его таунхаусами. Мои — раздвигают ноги за наличный расчет на регулярной основе.

Если уж на то пошло, окончательный переход к проституции как основному занятию свершился не в одно мгновение.

Проституция – работа стабильная, но нетребовательная.

В Лондоне для меня все кончилось тем же, чем и для тысяч других недавних выпускников. Имея лишь небольшую студенческую задолженность и кое-какие сбережения, я полагала, что несколько месяцев уж точно обеспечена. Но эти жалкие остатки быстро рассосались: аренда квартиры и тысяча тривиальных расходов. Мои будни состояли из корпения над газетными страницами с предложениями о работе, написания

энтузиастических и льстивых сопроводительных писем — хотя я и понимала, что на собеседование меня ни за что не пригласят, — и неистовой мастурбации каждый вечер перед сном.

Мастурбация, безусловно, была для меня в те дни единственным лучом света в темном царстве. Я воображала себя нанятой в качестве специалиста по тестированию на фабрику канцтоваров, и в мои обязанности входило навешивание скрепок на внутреннюю часть бедер, пока некто активно наяривал бы меня сзади. Или личной помощницей могущественной госпожи, прикованной к письменному столу и вылизываемой другой рабыней, которую, в свою очередь, насаживали на дилдо. Или плавающей в бассейне для сенсорной депривации, в то время как невидимые руки щипают и оттягивают мне кожу, сначала нежно, а потом — болезненно.

*В Лондоне для меня все кончилось тем же,
чем и для тысяч других недавних выпускников.*

Лондон был не первым городом, где мне приходилось жить. Зато, безусловно, самым большим. В любом другом месте всегда есть шанс встретить кого-то из знакомых — или в крайнем случае улыбающееся лицо. Но не здесь. Пассажиры втискиваются в поезда, стремясь превзойти своих коллег по несчастью во все нарастающей войне за личное пространство с помощью макулатурных книжонок, плееров с наушниками или газет. Однажды на Северной ветке женщина рядом со мной держала «Метро» всего в паре дюймов от лица; только через три станции я заметила, что она не читает, а плачет. Трудно было не посочувствовать ей. Еще труднее — не расплакаться самой.

Итак, я наблюдала, как мои скудные сбережения истощаются, пока покупка проездного на неделю не стала моей единственной отрадой. У меня есть мотовская привычка покупать

красивое бельишко — но даже урезание затрат на кружевные штучки проблему не решало.

Вскоре после переезда я получила эсэмэску от одной женщины, с которой меня познакомил Н. Этот город для Н. родной, и такое ощущение, что он знает здесь каждую собаку. Из любых шести взятых наугад моих знакомых с ним будет знаком по крайней мере каждый четвертый¹. Поэтому, когда он взял на себя труд познакомиться меня с этой леди, я не могла не насторожиться. «Слышала, что вы в городе — хотела бы встретиться, если вы не заняты», — гласил текст. Это была довольно сексапильная дама с аристократическим произношением и безупречным вкусом. Когда мы впервые встретились, я решила, что она не из моей лиги. Классом повыше. Но как только она повернулась к нам спиной, Н., полушепотом и яростно жестикулируя, принялся показывать мне, что она трахается, как паровоз, и женщин тоже любит. Ну, и тут у меня в трусах заработала глубинная скважина. То есть — мгновенно.

Я не удаляла эту эсэмэску несколько недель, а мое воображение распалось все больше и не давало мне покоя. Вскоре она преобразилась в затянутую в латекс адскую суку-начальницу моих полночных грез. Уличные девки и повернутые на сексе офисные трутни моих мечтаний стали обретать лица — и все они принадлежали ей. Я послала ответное сообщение. Она перезвонила почти сразу же, чтобы сказать, что она и ее новый друг с удовольствием на следующей неделе пригласили бы меня на ужин.

Я несколько дней пребывала в панике по поводу того, что надеть, и разорилась на стрижку и новое белье. В назначенный вечер перерыла весь гардероб, перемерив с десятков одежек. Наконец, остановилась на обтягивающем джемпере цвета морской волны и угольно-черных брюках — возможно, несколько по-офисному, но в меру сексуально. Я была в условленном месте на полчаса раньше, учитывая то, что еще полчаса ушло

¹ Теория шести рукопожатий говорит о том, что каждый человек на Земле отделен от любого другого цепочкой из шести общих знакомых.

на поиски этого самого ресторана. Обслуга сказала, что меня смогут посадить за столик только после прибытия моих спутников. Остаток денег я потратила на выпивку у барной стойки в надежде на то, что они оплатят счет за еду.

Она перезвонила почти сразу же и пригласила меня на ужин.

Воркование парочек в узких кабинках смешивалось с журчанием фоновой музыки. Все они выглядели старше меня, явно люди обеспеченные. Некоторые, похоже, пришли сюда прямо с работы, иные уже побывали дома, успев освежиться. Дверь, открываясь, всякий раз впускала порыв прохладного осеннего ветра и запах сухих листьев.

И вот они появились. Нас усадили за столик в углу, подальше от внимания обслуги, меня втиснули между ними. Пока она болтала о художественных галереях и спорте, он блуждал взглядом по переднему моему джемперу. В тот момент, когда я ощутила его ладонь на своем правом колене, ее ступня, облитая чулком, заскользила вверх по моей ноге под брючиной.

«Ах! Так вот чего им нужно», — подумала я. Можно подумать, не понимала этого с самого начала? Они оба — зрелые, распутные, роскошные. Не было никакой сколько-нибудь уважительной причины, чтобы не трахнуть их — или не быть оттраханной ими. Я последовала их примеру в выборе блюд: сытных, жирных. Ризотто с грибами — такое густое, что его едва можно было оторвать от неглубокой тарелки, такое клейкое, что снять его с ложки можно было только зубами. Рыба с головой, ее остекленевшие от печного жара глаза пялились на нас. Женщина облизала пальцы, и я почувствовала, что это не недостаток хороших манер, а рассчитанный жест. Моя рука скользнула по ее туго обтягивающим брюкам к лону, и она сомкнула бедра вокруг моих костяшек. Именно в этот момент

официантка решила, что пора бы уже уделить нашему столику больше внимания. Она принесла набор крохотных пирожных и шоколадных сладостей. Мужчина одной рукой кормил ими свою подругу, второй сжимая мою ладонь, мои же пальцы тем временем блуждали меж ее бедер. Она кончила легко, почти молча. Я мазнула губами по ее шее.

— Чудесно, — промурлыкал он. — А теперь еще раз.

И я проделала все снова. Поужинав, мы вышли из ресторана. Он попросил меня оголиться до пояса и сесть на переднее пассажирское кресло. Она вела машину. Сидя на заднем сиденье, он охватил мои груди и пощипывал соски, пока мы ехали — недолго — до ее дома. Я дошла от машины до дверей — полуголая — и, как только мы вошли внутрь, получила приказ встать на колени. Она исчезла в спальне, а он провел со мной несколько базовых уроков покорности: просто неудобные позы, неудобные позы с удержанием тяжелых предметов на весу, неудобные позы с удержанием тяжелых предметов на весу и с его смычком во рту.

Как только мы вошли внутрь, я получила приказ встать на колени.

Она вернулась со свечами и плетками. Хотя мне прежде случалось попробовать и горячего воска, и рабочего конца хлыста, но проделывать это с ногами, задранными вверх и введенной внутрь горячей свечой, истекающей воском на живот — это было что-то новенькое. Часа через два он вошел в нее и, пользуясь членом, как та госпожа из моей фантазии, впихнул ее лицом в мою киску...

Мы оделись, она отправилась в душ. Он вышел со мной на улицу, чтобы поймать черный кеб¹. Взял меня под руку. Отец

¹Черный кеб, в отличие от мини-кеба, — официальное лондонское такси.

и дочь — подумал бы любой случайный прохожий. Мы выглядели респектабельной парой.

— Ну и женщина вам досталась, — проговорила я.

— Все что угодно сделаю, чтобы она была счастлива, — отозвался он.

Я кивнула. Он взмахом руки подозвал такси и дал инструкции водителю. Когда я забралась на заднее сиденье, он протянул мне свернутые в трубочку деньги и сказал, что мне всегда будут рады. Уже на полпути домой я развернула комок банкнот и увидела, что их по крайней мере в три раза больше, чем придется отдать таксисту.

Мой мозг заработал, производя подсчеты: долг за аренду, количество дней в месяце, чистая прибыль от ночных походов... Я подумала, что должна была бы испытать укол сожаления или хотя бы удивления оттого, что мною попользовались и заплатили за это. Но ничего подобного. Они получили наслаждение, а для такой богатой пары расходы на ужин и такси — сущая ерунда. По правде говоря, эта работа не показалась мне неприятной.

Я попросила водителя остановиться за несколько улиц от дома. Стаккато моих каблучков эхом разносилось по асфальту. Стояла ранняя осень, но по ночам было еще довольно тепло, и красные отметины от свечного воска под моей одеждой наливались ответным жаром.

Идея торговать сексом, как язва, росла во мне. Но на некоторое время я задвинула свои крамольные мысли подальше. Занимала деньги у друзей и начала серьезно встречаться с одним молодым человеком. Это приятно отвлекало меня, пока не пришло первое сообщение от моего жилищного комитета о превышении кредита с предложением пообщаться с ними на тему ссуды. Язва шептала соблазнительные непристойности, открывалась при каждом отвергнутом заявлении о приеме на работу или проваленном собеседовании. Я то и дело вспоминала, каково это было — уноситься прочь на черном кебе посреди ночи. Я могла это делать. Я должна была попробовать.

Тайный дневник девушки по вызову

Идея торговать сексом, как язва, росла во мне. Я должна была попробовать.

С тех пор, после принятия решения, не прошло много времени, я начала вести дневник...

Ноябрь